

УДК 930.253:504.06(477.75)

doi 10.17072/2219-3111-2019-2-122-131

**«КРЫМ И АЭС НЕСОВМЕСТИМЫ!»:
ПРОТЕСТНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГОДОВ И МОБИЛИЗАЦИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА**

А. Д. Попов

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 295007, Республика Крым, Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
popalex79@mail.ru

На основе архивных документов, воспоминаний, материалов периодических изданий охарактеризовано региональное экологическое движение, направленное против строительства Крымской атомной электростанции (АЭС), «пик» которого пришелся на 1988–1989 гг. Анализ генезиса протестного экологического движения в латентной фазе и обстоятельств его выхода на публичный уровень в период поздней перестройки позволил раскрыть основные формы активности участников борьбы против строительства АЭС и их оппонентов, роль центральной и местной власти, а также средств массовой информации в решении данного вопроса. Такими формами протестной активности являлись участие в научных дискуссиях и экспертных группах, размещение критических материалов в средствах массовой информации, обращения к высшему государственно-партийному руководству страны, участие в выборах всех уровней и составление наказов депутатам, сбор подписей, проведение мирных публичных акций (пикетов, митингов). Практически все эти методы пытались использовать и оппоненты экологических активистов, представлявшие преимущественно многотысячный трудовой коллектив строящейся Крымской АЭС, однако их деятельность не вызвала симпатий, непропорционально освещалась прессой, а местные органы власти солидаризировались с противниками строительства атомной станции. Сделан вывод о том, что помимо общих для всего Советского Союза в данный период факторов («чернобыльский синдром», протест против монополии государственно-партийного руководства, выдвижение альтернативных политических акторов, эйфория «гласности») крымское экологическое движение способствовало формированию специфического самосознания регионального сообщества, основанного на представлении об исключительном туристско-рекреационном значении Крыма как главной «всесоюзной здравницы».

Ключевые слова: экология, протестное движение, атомная электростанция (АЭС), «всесоюзная здравница», гласность, перестройка, Крым, СССР.

10 декабря 1982 г., в преддверии 60-летия образования СССР, на площадке строящейся Крымской атомной электростанции (АЭС) сводная бригада строителей-ударников в торжественной обстановке осуществила заливку первых кубометров бетона в основание будущего реакторного отдела. Высококачественный бетон был доставлен бетоновозом с закрепленным на нем транспарантом-лозунгом: «Дадим в срок первый блок!» Это событие широко освещалось в крымской прессе, где среди прочих материалов было опубликовано стихотворение «Первый кубометр», рисующее радужные перспективы атомной энергетики в регионе: «Засияет солнцем атом / Хлынет, как волна, накатом / Вдаль взметнутся провода! / Это будет навсегда!» (Плаксина, 1982). Парадоксальность происходящего заключалась в том, что согласно первоначально утвержденному плану первый энергоблок Крымской АЭС должен был быть запущен и начать вырабатывать мегаватты электроэнергии ещё в 1980 г. (ГАРК. Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4938. Л. 59–60). Но из-за затянувшегося подготовительного периода и отставания в графике строительных работ дата запуска была перенесена на 1985, а впоследствии – на 1989 г. В результате завершающая стадия строительства пришлась на период поздней перестройки, что в итоге «похоронило» весь этот долгосрочный и чрезвычайно дорогостоящий проект. 25 октября 1989 г., после длившихся около полутора лет активных протестов общественности, Совет министров СССР принял постановление о перепрофилировании станции в учебно-тренировочный центр для атомщиков (Крымской АЭС не будет, 1989). На практике это привело к окончательному прекращению сооружения АЭС.

Заслугу победы над «атомным монстром» традиционно приписывают себе представители крымского экологического движения, некоторые из которых до сих пор играют определенную роль в политической и общественной жизни Крыма. При этом следует подчеркнуть, что их борьба против строительства Крымской АЭС приобрела публичный и организованный характер только весной 1988 г. – через три года после начала задекларированной М. С. Горбачевым либерализации общественной-политической жизни и спустя два года после чернобыльской катастрофы. Поэтому материалы данного кейса дают возможность не только расширить наши представления о специфике и эффективности протестной активности в поздний советский период, но и помогают понять внутреннюю логику «перестройки», в том числе относительно политики «гласности», процессов появления новых политических акторов и формирования регионального самосознания.

Засияет мирный атом...

Предварительные изыскания по выбору места размещения АЭС на территории Крымской области проводились по поручению Министерства энергетики и электрификации СССР с февраля 1969 г. В августе того же года решение о строительстве атомной станции было утверждено на заседании Бюро Крымского обкома Коммунистической партии Украины (КПУ). Из пяти возможных вариантов её размещения был выбран мыс Казантип, расположенный на Керченском полуострове, на южном побережье Азовского моря. Необходимость строительства атомной станции обосновывалась возрастающими потребностями крымской промышленности, сельского хозяйства, социальной и курортной сферы при ограниченных возможностях увеличения пропускной мощности линий электропередач, идущих в Крым с материковой части Украинской ССР [Рошупкин, 1984, с. 3–6].

Однако темпы реализации этого решения оказались отнюдь не форсированными. На протяжении восьми лет (!) определялся конкретный участок для постройки станции (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 148. Д. 1791), хотя впоследствии именно неудачно выбранное место размещения стало одним из главных аргументов противников АЭС. Ещё три года ушло на работы подготовительного этапа: намыв грунта под площадку строительства, подведение необходимых коммуникаций, создание предприятий строительной базы. Также началось строительство поселка-спутника будущей АЭС, где помимо общежитий стали возводиться многоэтажные жилые дома и различные объекты социальной инфраструктуры. В 1982 г. этот населенный пункт получил название Щёлкино в честь одного из создателей советского «атомного проекта» – К. И. Щёлкина.

Что же касается непосредственно атомной электростанции, то её проект был окончательно утвержден лишь в ноябре 1980 г., а финансирование основного этапа строительства началось с 1 января 1981 г. [Плаксына и др., 2008, с. 23–25]. С этого момента реальный размер капитальных вложений в строительство Крымской АЭС составлял не менее 25–35 млн. руб. в год (ГАРК. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 194. Л. 43). В январе 1984 г. строительство Крымской АЭС было объявлено всесоюзной ударной комсомольской стройкой [Митрохин, 1984, с. 154]. В те годы одну из центральных улиц Щёлкино украшал огромный агитационный щит с вдохновляющими строками: «Во имя Отчизны / Руками своими / Мы строим у моря / Наш город любимый» [Плаксына и др., 2008, с. 22].

Несмотря на вдохновляющую патетику, строительство объекта заметно отставало от утвержденных сроков. В ходе проведенной комиссией Крымского обкома КПУ в начале 1986 г. проверки был выявлен целый ряд серьезных проблем, «тормозящих» строительство: задержки в централизованной поставке строительных материалов и оборудования; недостаток людских ресурсов примерно в 2 тыс. чел. из-за ограниченного жилого фонда; дефицит строительных материалов, топлива, запчастей для спецтехники и комплектующих для различных агрегатов станции (ГАРК. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 194. Л. 28–31). В 1989 г. общая готовность первой очереди атомной станции составляла около 90 %, а на её сооружение уже было затрачено свыше 380 млн. руб. (ГАРК. Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4938. Л. 58).

«Душа болит за Крым...»: первые несогласные

Принятие решения о создании Крымской АЭС, утверждение её проекта и планов строительства осуществлялось государственно-партийными органами без какого-либо экспертного или общественного обсуждения, тем более что до 1988 г. в СССР не существовало процедуры обязательной и независимой от заказчика экологической экспертизы подобных проектов [Оценка воздействия..., 2006, с. 22–23]. После начала основного этапа строительства местная пресса стала регу-

лярно печатать бодрые рапорты о ходе ударной стройки, ни разу не поставив под сомнение её целесообразность.

Однако непубличное сопротивление строительству Крымской АЭС на индивидуальном уровне началось уже в середине 1970-х гг. Наибольшую активность в этом вопросе проявляла Евгения Васильевна Львова – научный сотрудник Института минеральных ресурсов Министерства геологии УССР (Симферополь). В 1975 г. ей было поручено подготовить формальный отзыв-согласование этой организации на проект размещения водохранилища-охладителя будущей Крымской АЭС. После изучения материалов Е. В. Львова по собственной инициативе написала письмо президенту Академии наук СССР А. А. Александрову, где приводила профессиональные аргументы против строительства атомной станции на выбранной площадке. В 1976 г. в переписке с Министерством энергетики и электрификации СССР она развернуто изложила свои аргументы против строительства. Они были связаны с неблагоприятными сейсмическими, гидрологическими и климатическими условиями выбранной для строительства площадки, а также с возможными рисками для экологического состояния и рекреационного потенциала Азовского моря (копия письма Е.В. Львова Л.М. Воронину, без даты).

Осенью 1976 г. Евгения Львова получила частное письмо от одного из сотрудников харьковского института «Теплоэнергопроект», который сообщил, что его также волнуют поднятые проблемы и советовал ей направить материалы в «Литературную газету», где часто обсуждалась экологическая тематика (письмо Л. М. Шендеровича Е. В. Львова, 25 сентября 1976 г.). Но выявить какие-либо публикации Львова на тему Крымской АЭС в центральной и местной прессе нам не удалось. Однако по воспоминаниям её окружения известно, что она продолжала писать обращения известным личностям (академику П. А. Капице, писателю В. А. Чивилихину), а также руководству Крымской области. Но такая активная индивидуальная позиция не оказала никакого влияния на ход работ по реализации проекта Крымской АЭС. По воспоминаниям сына Е. В. Львова «мама... писала письма, но в ответ [получала] или отписки, или прямые угрозы. Мать болезненно переживала бесплодность своей работы...» (*Борисенко, Львова, 2011, с. 287*). Сама же Евгения Львова так характеризовала эту страницу своей биографии: «Душа болит за Крым, а сделать я могу так мало. Послала все материалы Первому секретарю обкома партии. Вероятно, придется уйти с дороги. С журналистами ничего не выходит – все боятся» (цит. по [Устойчивый Крым... , 2002, с. 41]).

Сдержанную критику строительства АЭС с экологической аргументацией позволяли себе и некоторые крымские писатели (В. Я. Маковецкий, В. В. Митрохин, В. П. Терехов). Так, возглавлявший в первой половине 1980-х гг. комсомольский «литературный пост» на строительстве Крымской АЭС писатель Валерий Митрохин в своей документальной повести «Солнцестроители», которая должна была стать хвалебной одой крымским атомщикам, позволил себе высказать осторожные опасения по поводу того, что ввод в эксплуатацию атомной станции может усугубить экологические проблемы Азова, если море и АЭС «станут антагонистами» [*Митрохин, 1984, с. 32–38*]. Из-за этого последовали разбирательства с автором в различных инстанциях, а сама книга была издана областным, а не центральным издательством.

Остановить преступную стройку!

Первые заметные и системные признаки публичной активности противников АЭС проявились только в апреле 1988 г. Отсутствие такой реакции ранее можно объяснить сохранением рецидивов цензуры в прессе (в том числе сокрытием в 1986–1987 гг. информации о подлинных масштабах черновыльской катастрофы), дефицитом медиатизированных примеров и опыта организации такого рода протестной активности, а также отсутствием общественных организаций, способных открыто оппонировать органам власти. Весной 1988 г. в Симферопольском государственном университете им. В.М. Фрунзе состоялись две публичные дискуссии, во время которых был остро поставлен вопрос о целесообразности строительства АЭС в Крыму. Оба мероприятия широко освещались в местной прессе и приобрели огромный общественный резонанс. 21 апреля 1988 г. состоялась межвузовская научная конференция «Ноосфера и современная экологическая ситуация в Крыму», где поднятый среди прочих вопрос о будущем атомной энергетики в Крыму вызвал наиболее бурное обсуждение (*Андронаки, 1988*). 20 мая 1988 г. в том же университете была проведена общественная дискуссия «Крымская АЭС: за и против», в ходе которой большинство участников осудили этот проект, несмотря на доводы «второй стороны» – специально приглашенного руководства строящейся Крымской АЭС. Тогда же произошло объединение нескольких инициа-

тивных групп в Крымскую областную ассоциацию «Экология и мир» [Устойчивый Крым..., 2002, с. 14], которая стала объединительным центром развернувшегося в области протестного экологического движения.

Организационное ядро этого движения составили преподаватели вузов и научные работники (Ю. Анисимов, В. Пивоваров, Р. Прасолов, В. Сагатовский, В. Свидзинский, Б. Сергеев, Э. Тихоненков), а также писатели и журналисты (В. Митрохин, В. Терехов, С. Шувайников). Авангардная роль научной и творческой интеллигенции в экологическом движении позднего советского периода являлась типичной для всего СССР [Яницкий, 2007]. Однако общественно-политическая атмосфера того времени способствовала мобилизации в руководящий актив экологического движения и отдельных ярких личностей из других социально-профессиональных групп, например, инженера оборонного предприятия Юрия Комова и продавца цветов Лилии Левченко.

Кроме участия в научных дискуссиях и работе экспертных групп в период с апреля 1988 по октябрь 1989 г. противниками строительства Крымской АЭС использовались такие формы протестной активности: 1) размещение критических материалов на страницах периодической печати, участие в радио- и телепередачах, съемка документальных фильмов; 2) направление писем и телеграмм на имя высшего государственного и партийного руководства страны; 3) участие в выборах всех уровней и составление наказов депутатам от избирателей; 4) организация сбора подписей против строительства АЭС; 5) проведение мирных публичных акций в форме митингов, пикетов, шествий.

Аргументируя свою позицию, представители экологического движения во многом опирались на тезисы, сформулированные в 1970-е гг. Е. В. Львовой. Однако к ним были добавлены новые аргументы, например, касающиеся низкого качества строительно-монтажных работ на объектах Крымской АЭС, связанного с халатностью строителей и массовыми хищениями стройматериалов (Митрохин, 1988, с. 2–3). Из всех потенциальных угроз Крымской АЭС в случае начала её эксплуатации самой обсуждаемой, особенно после произошедшего 7 декабря 1988 г. разрушительного землетрясения в Армянской ССР, стала высокая сейсмическая активность в зоне строительства. Первоначально максимальный показатель сейсмичности на площадке строительства Крымской АЭС определяли в шесть баллов по шкале Рихтера, что было признано проектировщиками безопасным уровнем. Однако в июле 1988 г. под давлением экологической общественности для уточнения этих характеристик была создана правительственная комиссия, возглавляемая вице-президент Академии наук СССР Е. П. Велиховым. В ноябре 1988 г. комиссия подавляющим большинством голосов приняла решение о повышении максимального показателя сейсмичности площадки будущей станции до девяти–десяти баллов (Янин, 1989), что делало строительство невозможным с точки зрения рекомендаций Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Однако несколько членов комиссии, в том числе главный инженер проекта Крымской АЭС Б. И. Стольник, письменно выразили свое несогласие с такими выводами, что дало повод Министерству атомной энергетики СССР откладывать вопрос о прекращении строительства ещё около года, инициировав проведение новой экспертизы с привлечением зарубежных специалистов (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 1506. Л. 3).

Особую остроту аргументам об опасности Крымской АЭС придавали частые обращения к чернобыльской теме. Не случайно один из лозунгов экологических активистов гласил: «Пепел Чернобыля стучит в сердце Крыма». Обладатели научных степеней, аффилированные с вузами и научно-исследовательскими институтами, публично давали апокалиптические прогнозы, по которым возможная авария на Крымской АЭС якобы вызовет последствия, в 25–30 раз превышающие масштабы чернобыльской катастрофы (см., например [Крым, экология, проблемы, 1989, с. 57–59]). Это способствовало распространению «радиофобии» среди крымчан, которая спустя два–три года после чернобыльских событий только усилилась из-за появления в советских СМИ более достоверной, чем ранее, информации о катастрофе 1986 г.

В мае 1988 – октябре 1989 гг. крымские газеты опубликовали сотни материалов об опасности Крымской АЭС, заголовки которых во многом повторяли призывы на плакатах экологических активистов: «Остановить преступную стройку!», «Мы решительно против!», «Крым и АЭС несовместимы!», «Крымская АЭС: эпицентр проблем», «Экологическая бомба для Крыма». Постепенно данная тема стала освещаться и в центральной прессе, чему в значительной степени способствовали публичные выступления и статьи украинского писателя Бориса Олейника. В частности, летом

1988 г. с трибуны XIX Всесоюзной конференции КПСС он заявил, что «строительство Крымской АЭС на тектонических разломах в условиях подъема грунтовых вод грозит катастрофой» (Выступление..., 1988). Выводы о работе правительственной комиссии под руководством академика Е. П. Велихова были опубликованы в январе 1989 г. в газете «Правда» (*Янишин и др.*, 1989). Критические публикации и письма читателей на эту тему появились на страницах многих центральных газет и журналов. Опасный крымский реактор, сооружаемый «за народные деньги» «в активной сейсмической зоне» и «на тектоническом разломе», несколько месяцев оставался одним из обсуждаемых примеров волонтаризма властей не только для крымчан, но и для жителей всей страны.

Всесоюзная здравница vs Крымбасс

Уже в письмах Евгении Львовой середины 1970-х гг. высказывалась идея, согласно которой Крым имеет туристско-рекреационную специализацию, что должно исключать реализацию на его территории неоднозначных с экологической точки зрения проектов. Во время первого публичного обсуждения целесообразности строительства Крымской АЭС в Симферопольском госуниверситете весной 1988 г. один из участников заявил, что «никто не отменял Декрет В. И. Ленина о предназначении Крыма как Всесоюзной здравницы. Полуостров Казантип, где строится атомная, уникальное место для оздоровления детей. Крымская АЭС поставит на этой перспективе крест» (*Андронаки*, 1988).

Впоследствии этот тезис присутствовал практически в каждом выступлении противников строительства Крымской АЭС. Но, когда обсуждение этой проблемы вышло на республиканский и общесоюзный уровни, крымское региональное сообщество должно было объяснить, почему нахождение действующих АЭС, например, в Запорожской или Ростовской области является нормальным, а в Крымской области – недопустимым. Тем более, что представители атомной энергетики в публичной полемике с экологическими активистами прямо обвиняли их в «местничестве» и «региональном эгоизме» (см., например: *Игнатенко*, 1989, с. 3–5). Здесь следует отметить, что тема «регионального эгоизма» и «экологического национализма» всегда сопутствовала деятельности локально проявляющих себя экологических движений советского и постсоветского периода (см. [*Dawson*, 1996]).

Развернутый ответ на эти обвинения дал в одной из статей крымский писатель Владимир Терехов: «Так вы не против АЭС вообще? – приходилось слышать возражения. – Вы лишь против размещения АЭС в Крыму? Но ведь это же местничество, эгоизм. Чем Крым лучше любой другой области? А тем хотя бы, что детей отдыхать и лечиться со всей страны везут не в Запорожскую, скажем, или Николаевскую область, а в Крым, что больные отовсюду – ветераны и молодежь, члены правительства и простые граждане – едут сюда за здоровьем... Потому что это – Всесоюзная здравница, о чем еще в 1920 году провозгласил ленинский декрет. Так что не о себе печемся – о девяти миллионах граждан, ежегодно приезжающих в Крым. Не местничество движет нами, а человечность, забота о здоровье людей» (*Терехов*, 1989).

Действительно, Крымский полуостров в поздний советский период являлся самым популярным у советских граждан туристско-рекреационным регионом страны, куда ежегодно приезжали 7–8 млн. организованных и неорганизованных рекреантов, что в три–четыре раза превышало количество местного населения (подробнее см. [*Попов*, 2012]). При этом отправной точкой развития Крыма как «всесоюзной здравницы» во всех советских текстах назывался подписанный В. И. Лениным 21 декабря 1920 г. декрет «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». Поскольку, как справедливо утверждает Алексей Юрчак, в советской идеологической системе Ленин являлся организующим, «господствующим символом» (*master signifier*) [*Юрчак*, 2014, с. 186], постоянные отсылки экологических активистов к «ленинскому декрету» даже в последние годы существования СССР не кажутся бессмысленными. Очевидно, что и в годы поздней перестройки важность и легитимность какого-либо публичного высказывания, несмотря на либерализацию общественного сознания и усиливающиеся антикоммунистические настроения, по инерции подкреплялись ссылкой на Ленина.

Идея об исключительно рекреационной миссии Крыма легла в основу самого известного и широко освещавшегося в прессе мероприятия противников Крымской АЭС – митинга-перформанса «Похороны “Всесоюзной здравницы”», который был проведен активистами экологического движения 24 сентября 1989 г. Традиционный протестный митинг они дополнили имитацией похоронного шествия по территории строящейся АЭС, где захоронили черный гроб с надписью «Крым –

Всесоюзная здравница». Во главе шествия в образе скорбящей вдовы шла активистка Лилия Левченко, несшая надмогильный крест с надписью «Вечная память тебе, Всесоюзная здравница» (Бубликов, 2004, с. 367–368). Несмотря на то, что в акции участвовало всего около 200 человек, фотографии и кинокадры с места событий стали широко известны в Крыму и за его пределами.

Осенью 1989 г. к организации экологических акций, проходивших практически во всех населенных пунктах Крыма, присоединились вновь созданные общественные объединения «Добрая воля», «Демократическая Таврида», «Чистый Крым», Совет клуба избирателей и депутатов Симферополя и др. Вместе с тем, несмотря на неоднократно звучавшие призывы некоторых активистов к проведению всекрымского референдума о судьбе АЭС и всекрымской протестной забастовки, а также к силовому блокированию строительной площадки станции (см., например: ГАРК. Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4935. Л. 94, 101), эти инициативы так и не были реализованы.

Интересные метаморфозы претерпела позиция по данному вопросу крымских органов власти, которые до апреля 1988 г. безоговорочно поддерживали строительство в регионе атомной станции. После начала протестных выступлений общественности они сначала «заняли позицию молчаливого попустительства» (ГАРК. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 1507. Л. 20), а к началу 1989 г. полностью солидаризировались с активистами экологического движения. 19 апреля 1989 г. Крымский областной совет народных депутатов принял явно популистское решение о прекращении строительства Крымской АЭС (ГАРК. Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4938. Л. 36), хотя этот вопрос относился к компетенции центральных органов власти. 16 октября 1989 г. первый секретарь Крымского обкома КПУ Н. В. Багров в своем письме генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву просил его «ускорить... решение по атомной электростанции и руководствоваться при этом тем, что Крым не имеет себе аналогов в мире как зона отдыха, а поэтому рисковать этим уникальным регионом нашей Родины ни при каких обстоятельствах нельзя» (ГАРК. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 1508. Л. 141).

Где же плюрализм мнений?: обратная сторона (пере)стройки

В статье «Альтернатива “Крымбассу”» корреспондент журнала «Смена» Виктор Анисимов называл стороны конфликта вокруг АЭС «зелеными» и «красными». При этом он констатировал, что в основной массе публикаций того времени «красные» (сторонники АЭС) были представлены как беспрерывно лгушие, узколобые технократы, «готовящие второй Чернобыль, гибель Крыма, Азовского и Черного морей» (Анисимов, 1989, с. 2). Это подтверждается и на уровне визуальных репрезентаций. В крымской прессе того времени публиковались карикатуры на «красных» атомщиков, где они изображались не в строительных касках и спецовках, а в шляпах, деловых костюмах и с портфелями, что позволяло идентифицировать их с советскими бюрократами и партаппаратчиками.

Возглавивший в сентябре 1989 г. Крымский обком КПУ Н. В. Багров впоследствии вспоминал, что в протестном экологическом движении либерально-интеллигентские и митингово-обывательские силы объединились на почве неприятия государственно-партийных элит. По его словам, «критиковать власть стало не только можно, но и престижно. Фрондирование входило в норму поведения, а любая поддержка того, что исходило от официальной власти, становилась признаком дурного тона» (Багров, 1995, с. 40–41). Активный участник борьбы против строительства АЭС Владимир Бубликов в своих воспоминаниях также отмечает, что, несмотря на экологическую риторику, протестное движение в Крыму было проявлением «политического противостояния народных масс догмату власти» и что «разбуженная активность ещё вчера никому не нужных людей требовала приложения усилий по иному пути развития общества» (Бубликов, 2004, с. 370).

Тезис о политизации советского экологического движения периода перестройки, которое его лидеры использовали как «трамплин во власть», является общим местом для исследователей данного вопроса (см. например [Dawson, 1996; Gille, 2009; Weiner, 1999]). Однако авторы публикаций в основном рассматривают политическое противостояние действующей в тот момент власти и экологических активистов, тогда как выбранный нами кейс демонстрирует и другую линию конфликта – между рядовыми противниками и сторонниками строительства атомной станции.

В период наибольшей активности действительно массового и широко медиатизированного протестного экологического движения многотысячный коллектив строящейся Крымской АЭС, как и возможные симпатизанты атомного проекта из числа крымчан, оказался жертвой протестной эйфории, хотя не сразу смирился со своим поражением. По инициативе директора строящейся Крымской АЭС В. И. Танского крымские атомщики, используя декларируемые возможности политики

«гласности», попытались развернуть информационно-пропагандистскую деятельность по отстаиванию собственной позиции и опровержению критики со стороны «зеленых». Для этих целей при дирекции строящейся Крымской АЭС была даже создана «группа информации, пропаганды и исследования общественного мнения» [Устойчивый Крым..., 2002, с. 49].

Полемическая риторика «красных» атомщиков, которую они пытались транслировать через средства массовой информации в 1988–1989 гг., основывалась на традиционных аргументах о критическом уровне энергодефицита в Крымской области, о необходимости увеличивать энергопотребление для улучшения условий жизни населения, а также на представлении атомной энергетики как более «чистой» по сравнению с работой тепловых электростанций. Кроме того, постоянно подчеркивалось, что в техническом отношении проект Крымской АЭС намного современнее и совершеннее, чем проект Чернобыльской атомной станции (см., например: *Игнатенко*, 1989, с. 3–5). Политические коннотации также нашли отражение в их контрпропаганде. Например, во время одной из дискуссий 1989 г. В. И. Танский открыто обвинил партийное руководство Крымской области в поддержке широкомасштабной кампании против строительства АЭС как «громоотвода», отвлекающего людей от других насущных проблем (*Анисимов*, 1989, с. 3), при этом продолжая апеллировать к высшему руководству страны.

Однако редакции центральных и местных СМИ откровенно симпатизировали «зеленым». Материалы из лагеря «красных» либо игнорировались, либо публиковались в сокращенном объеме, сопровождаясь откровенно негативными редакционными комментариями (см., например: *Протест строителей АЭС*, 1989). В официальном письме-обращении строителей Крымской АЭС на имя Председателя Совета министров СССР Н. И. Рыжкова от 15 сентября 1989 г. говорилось: «Где же плюрализм мнений? Идёт настоящий разгул дезинформации, подобный тому, когда превращали генетику в лженауку. Во главе [антиатомной] кампании стоят люди, желающие на волне радиophobia нажать политический капитал в преддверии выборов в местные советы. <...> Нас называли солнцестроителями, теперь зовут оккупантами и врагами Крыма» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 1508. Л. 146).

Не принесла успеха атомщикам и попытка организации альтернативных митингов и пикетов. После того как летом 1989 г. у технического въезда на строительную площадку Крымской АЭС появился постоянно действующий пикет экологических активистов, рядом с ним был устроен контрпикет атомщиков (*Бубликов*, 2004, с. 366–367). Были сформулированы альтернативные лозунги: «Закрытие АЭС – тупик перестройки!», «На нашей АЭС – не страх, но разум!», «Ни ветровая, ни СЭС не заменят нам АЭС!», «Закрывали генетику, закрывали кибернетику. Теперь закрывают атомную энергетику!» Впрочем, публичные акции в защиту атомной станции проводились в пределах Щёлкино и Ленинского района Крымской области, где размещались основные объекты, связанные со строительством АЭС. Но даже в Щёлкино ситуация была неоднозначной. В 1988 г. на объектах строящейся Крымской АЭС трудились около 7 тыс. инженерно-технических работников, рабочих и служащих, многие из которых имели семьи, тогда как общая численность населения города составляла 14,7 тыс. чел. (Всесоюзная ударная, 1988). Осенью 1988 г. газета «Советская культура» опубликовала письмо учительницы одной из щёлкинских школ, которая описывала свои активные выступления против строительства Крымской АЭС, но при этом отмечала, что постоянно сталкивается с неприятием своей позиции, поскольку «стройка дает жилье, дает приличное снабжение, дает работу тысячам людей» (*Музыченко*, 1988).

Как уже говорилось, финалом этой драматической истории стало постановление Совета министров СССР от 25 октября 1989 г. Формально оно предусматривало перепрофилирование строящейся Крымской АЭС в учебно-тренировочный комплекс для атомщиков без использования ядерного топлива, что должно было продемонстрировать общественности, что израсходованные на строительство сотни миллионов рублей потрачены не зря. Но в реальности созидательные работы на площадке Крымской АЭС полностью прекратились и начался постепенный демонтаж дорогостоящего объекта высокой степени готовности, который в легальных и нелегальных формах продолжается до сих пор.

* * *

В результате первых альтернативных выборов в Верховный Совет СССР 26 марта 1989 г. статус народных депутатов от Крымской области получили три кандидата, поддержанные ассоциацией «Экология и мир» (В. Иванов, Э. Тихоненков, Ю. Кольцов). Их активная позиция в высшем

представительном органе, по всей видимости, сыграла определенную роль в принятии осенью 1989 г. решения Советом Министров СССР по Крымской АЭС. Более того, вместе с некоторыми другими избранными от Крыма депутатами они выступили с инициативой законодательного закрепления за Крымом статуса «Всесоюзной здравницы». Осенью 1989 г. на заседаниях Комитета по охране здоровья народа Верховного Совета СССР несколько раз обсуждался проект закона «О признании Крыма курортом общегосударственного значения». Он предусматривал приоритетность деятельности на территории Крымской области санаторно-рекреационного комплекса, запрет на строительство новых промышленных предприятий без конкретной увязки их деятельности с курортной специализацией региона, а также «право вето» местных властей в принятии решений о создании любых индустриальных объектов (ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 7. Д. 628. Л. 7–15). Обсуждение выявило ряд юридических и логических противоречий в данном документе, в результате чего он не был принят в виде закона и быстро исчез из актуальной политической повестки на фоне начавшейся в 1990 г. активной борьбы за возвращение Крымской области утраченного в 1945 г. статуса автономной республики, а также острых дискуссий об организационной форме и полномочиях этой автономии (см. [Форманчук, Мальгин, 2017, с. 688–698]).

На состоявшихся 4 марта 1990 г. выборах в советы различных уровней представители экологического движения также добились высоких результатов: В. Терехов стал депутатом Верховного Совета Украинской ССР, было получено семь депутатских мандатов в областном совете (Ю. Комов, Л. Левченко, В. Межак, Б. Рыжков, А. Сташков, Ю. Щерба, С. Шувайников) и более 40 мест в городских и районных советах [Устойчивый Крым..., 2002, с. 35]. В 1991 г. как минимум три активных участника борьбы против Крымской АЭС (Ю. Комов, Л. Левченко, С. Шувайников) были избраны депутатами Первого созыва Верховного Совета Автономной Республики Крым. Таким образом, крымское экологическое движение времен поздней перестройки явилось своеобразной «стартовой площадкой» для вхождения во власть круга лиц, которые в основном представляли научно-техническую и творческую интеллигенцию и прежде не были аффилированы с государственно-партийными структурами.

Результативность движения 1988–1989 гг. против строительства Крымской АЭС и его действительно массовая поддержка имели целый комплекс причин. Частично это можно объяснить теми же факторами, которые мотивировали советских граждан участвовать в аналогичных акциях в конце 1980-х гг. в других регионах (ряд областей Украинской ССР, Башкирская АССР, Татарская АССР, Ростовская область и др.), которые также были направлены против проектирования, строительства или расширения мощностей действующих АЭС. Речь идет, с одной стороны, о социально-психологическом влиянии «чернобыльского синдрома», а с другой – о политических претензиях к действующей власти, лишь обличенных в формы экологического протеста. Но также на фоне такого протеста у жителей Крыма впервые публично проявилось региональное самосознание, основанное на вере в уникальность Крыма как туристско-рекреационного региона, как главной «всесоюзной здравницы», хотя последующие общественно-политические и социально-экономические трансформации, связанные с прекращением существования СССР, оттеснили на второй план публичных дискуссий как рекреационную, так и природоохранную повестку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Андронаки В. Крым – в Красную книгу? // Крымский комсомолец. 1988. 14 мая.
Анисимов В. Альтернатива «Крымбассу» // Смена. 1989. № 18. С. 2–3.
Багров Н. В. Крым: время надежд и тревог. Б.м.: Б.и., [1995]. 381 с.
Борисенко Л. С., Львова Е. В. Крым. Геология. Жизнь. Симферополь: Н. Орианда, 2011. 464 с.
Бубликов В. Крымская АЭС: как это было // Берега Тавриды. 2004. № 4. С. 365–371.
Всесоюзная ударная // Огни Крыма. 1988. 15 января.
Выступление тов. Б. И. Олейника // Правда. 1988. 2 июля.
Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 11. Д. 194. Л. 28–31, 43; Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4935. Л. 94, 101; Д. 4938. Л. 36, 58–60.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 1506. Л. 3; Д. 1507. Л. 20; Д. 1508. Л. 141, 146.
Игнатенко Е. И. Противники АЭС: кто они? // Энергия: экономика, техника, экология. 1989. № 3. С. 3–5.

- Крымской АЭС не будет! // Крымская правда. 1989. 27 октября.
Митрохин В. Крым: зона особого риска? // Смена. 1988. № 21. С. 2–3.
Музыченко Л. Опасные игры // Советская культура. 1988. 26 ноября.
Плаксына Н. Первый кубометр // Крымская правда. 1982. 11 декабря.
Протест строителей АЭС // Крымская правда. 1989. 29 сентября.
Терехов В. Быть ли Крыму здравницей? // Советская культура. 1989. 1 июля.
Фонды ГБУ РК «Центральный музей Тавриды». Личный фонд Е. В. Львовой. Материалы переписки с Л. М. Вороновым, Н. К. Кириченко, Л. М. Шендеровичем.
Яншин А., Осипов В., Глазовский Н. и др. Экспертиза // Правда. 1989. 11 января.

Библиографический список

- Крым. Экология. Проблемы / сост. В. П. Терехов. Симферополь: Таврия, 1989. 240 с.
Митрохин В. Солнцестроители: Док. повесть. Симферополь: Таврия, 1984. 158 с.
Оценка воздействия на окружающую среду и российская общественность: 1979–2002 годы / сост. и отв. ред. А. В. Дроздов. М.: КМК, 2006. 427 с.
Плаксына Н. В., Ключек Л. А., Ковыркин К. К. Там, где века купаются в волнах. Симферополь: Таврия, 2008. 244 с.
Попов А. «Мы ищем то, чего не теряли»: советские «дикари» в поисках места под солнцем // *Ab Imperio*. 2012. № 2. С. 261–298.
Роцуцкий А. М. Крымская атомная: предпосылки, польза, перспективы (вместо предисловия) // *Митрохин В.* Солнцестроители: Док. повесть. Симферополь: Таврия, 1984. С. 3–8.
Устойчивый Крым. Общественно-экологическое движение / под ред. В. С. Тарасенко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. 368 с.
Форманчук А. А., Мальгин А. В. Крым в период социально-политических изменений в СССР. 1985–1991 гг. // История Крыма: в 2 т. / под ред. А.В. Юрасова. М.: Кучково поле, 2017. Т. 2. С. 686–700.
Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. 664 с.
Яницкий О. Перестройка и общественные движения 1980-х // Свободная мысль. 2007. № 9. С. 158–173.
Dawson J. Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine. Durham: Duke University Press, 1996. 221 p.
Gille Z. From Nature as Proxy to Nature as Actor // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68, No. 1. P. 1–9.
Weiner D. A Little Corner of Freedom Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley: University of California Press, 1999. 556 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.02.2019

"THE CRIMEA AND THE NUCLEAR POWER PLANT ARE INCOMPATIBLE!": PROTEST ECOLOGICAL MOVEMENT IN THE SECOND HALF OF THE 1980s AND MOBILIZATION OF THE REGIONAL COMMUNITY

A. D. Popov

Crimean Federal University, Akademik Vernadsky ave., 4, 295007, Simferopol, Russia
popalex79@mail.ru

On the basis of archival documents, memoirs, and materials of periodicals, the regional ecological movement directed against the construction of the Crimean nuclear power plant (NPP) mostly active in 1988 and 1989 is characterized in the article. Through the analysis of the genesis of the protest ecological movement in a latent phase and the circumstances of its development to the public level during the late "Perestroika", the author analyzes the main forms of the activity of the fighters against the construction of the NPP and their opponents, as well as the role of central and local government and the mass media in the solution of the problem. The main forms of the protest activity were the participation in scientific discussions and expert groups; publishing critical materials in the mass media; appealing to the highest state leaders; participation in elections of all levels and formation of orders to deputies; petitions;

and organization of peaceful public actions (pickets, meetings). The opponents of the ecological activists represented the thousands of workers of the Crimean NPP and tried to use the same methods; however, their activity did not cause sympathies, was disproportionately covered in the mass media, and local authorities expressed solidarity with the opponents of the construction of the nuclear power plant. The conclusion was drawn that, besides the general factors for the whole Soviet Union during this period ("the Chernobyl syndrome"; a protest against the monopoly of the state and party authorities; the promotion of alternative political actors; the euphoria of "glasnost"), the Crimean ecological movement promoted the formation of a specific consciousness of the regional community based on the idea of an exclusive tourist and recreational value of the Crimea as the main "All-Union health resort".

Key words: ecology, protest movement, nuclear power plant (NPP), "All-Union Health Resort", "glasnost", "perestroika", Crimea, USSR.

References

- Dawson, J. (1996), *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*, Duke University Press, Durham, USA, 221 p.
- Drozdov, A. V. (ed.) (2006), *Otsenka vozdeystviya na okruzhayushchuyu sredu i rossiyskaya obshchestvennost': 1979–2002 gody* [Environmental impact assessment and Russian public: 1979–2002], KMK, Moscow, Russia, 427 p.
- Formanchuk, A. A., Mal'gin, A. V. (2017), "Krym v period sotsial'no-politicheskikh izmeneniy v SSSR. 1985–1991 gg." [The Crimea during socio-political changes in the USSR. 1985–1991], in *Istoriya Kryma* [History of the Crimea], Vol. 2, Kuchkovo pole, Moscow, Russia, pp. 686–700.
- Gille, Z. (2009), «From Nature as Proxy to Nature as Actor», *Slavic Review*, Vol. 68, No. 1, pp. 1–9.
- Mitrokhin, V. (1984), *Solntsestroiteli: Dokumental'naya povest* [Sunbuilders: the documentary novel], Tavriya, Simferopol, Russia, 158 p.
- Plaksina, N. V., Klochek, L. A., Kovyarkin, K. K. (2008), *Tam, gde veka kupayutsya v volnakh* [Where centuries bathe in waves], Tavriya, Simferopol', Russia, 244 p.
- Popov, A. (2012), "“We are looking for things we haven't lost”: Soviet "savages" in search of the place under the sun”, *Ab Imperio*, No 2, pp. 261–298.
- Roshchupkin, A. M. (1984), "The Crimean Nuclear Power Plant: prerequisites, advantage, prospects (instead of the preface)", in Mitrokhin, V., *Solntsestroiteli: Dokumental'naya povest* [Sunbuilders: the documentary novel], Tavriya, Simferopol, Russia, pp. 3–8.
- Tarasenko, V. S. (ed.) (2002), *Ustoychivyy Krym. Obshchestvenno-ekologicheskoe dvizhenie* [Steady Crimea. Public and ecological movement], Biznes-Inform, Simferopol', Russia, 368 p.
- Terekhov, V. P. (ed.) (1989), *Krym. Ekologiya. Problemy* [Crimea. Ecology. Problems], Tavriya, Simferopol', Russia, 240 p.
- Weiner, D. (1999), *A Little Corner of Freedom Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*, University of California Press, Berkeley, USA, 556 p.
- Yanitskiy, O. (2007), "Perestroika and the social movements of the 1980s", *Svobodnaya mysl'*, No 9, pp. 158–173.
- Yurchak, A. (2014), *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 664 p.